

и осознав его изначальное назначение, можно поставить вопрос об отношении к другому и даже чужому. Надо сказать, что чем назойливее сегодня ставится и обсуждается этот вопрос, чем больше говорится о признании другого, тем сильнее подозрение, что он попросту исчез и растворился, во всяком случае, в дискурсе гуманистов и либеральных экономистов, для которых человек выступает как набор азбучных истин, касающихся общечеловеческой этики и глобальной экономики. Именно под прикрытием образа «мирного дикаря» и развились современные формы ксенофобии.

В генетической памяти человека заложен стресс, выражающий страх перед враждебными силами, способными проникнуть в святая святых любого человеческого поселения — в пространство матери, окруженной детьми. Далеко не все внешние воздействия оказываются опасными и тем более разрушительными для организма. Примером могут служить так называемые детские болезни, которые необходимы для выработки иммунитета по отношению к чужому. Не только телесные болезни, но и душевные обиды необязательно становятся ужасными травмами, навсегда разрушающими психику человека. Наоборот, именно благодаря таким воздействиям и созревает прочная оболочка нарциссизма, обеспечивающая взаимодействие с внешней средой. Зрелый индивид должен научиться оставаться самим собой, не изолируя себя от других.

В качестве морали из всего сказанного можно предложить следующую модификацию кантовского морального императива: всеми силами следует исключить возможность кризисных ситуаций и избегать их любыми средствами. Главный же урок XX в. состоит в том, чтобы преодолеть свойственное противоборствующим партиям и идеологиям допущение о неизбежности кризисов, чрезвычайных ситуаций и революций. Нужно не судить прошлое как ужасное, а осознать, что современность позволяет жить лучше и управлять гуманнее.

Образы и модели будущего

В поворотные моменты истории люди живут в напряженном состоянии между ожиданием кризиса и надеждой на возрождение. Это не только отражение объективных трудностей, но и мобилизация духовных сил, пробуждающая различные реакции — от политических

революций до решимости к внутреннему самосовершенствованию. Как и все другие большие противоположности, различия активного действия и духовного самосозерцания должны преодолеваться путем открытия или создания условий для новых возможностей. Конечно, необходимость выбора мобилизует ответственность, отрывает человека от повседневных забот и заставляет осмыслить свою гражданскую позицию и исполнить нравственный долг. Однако полезно задуматься и о том, а из чего, собственно, предоставляется возможность выбирать и нельзя ли расширить горизонт решений. Великие философские вопросы «кто я», «откуда я» и «зачем я» нередко склоняют к максимализму. Однако мудрость жизни состоит в умении обходить резкие грани и соединять в жизни то, что в абстрактных теориях считается несоединимым.

Все сказанное относится и к оценке нашего нынешнего состояния, и к ожиданиям лучшего будущего. Наверное, с самого начала своего возникновения люди были недовольны своим настоящим, однако долгое время идеализировали прошлое и со страхом глядели в будущее. Христианство, напротив, обратило взоры людей к вечному, а эпоха технического прогресса, сохранив устремленность вперед, поставила будущее в зависимость от науки и развития промышленности. Но конец XX в. снова был исполнен ожиданиями зловещего конца света, нигилизмом и переоценкой всех ранее принятых высших ценностей.

В чем же причины столь нерадостного восприятия своего будущего у людей, живущих в сравнительно более благополучных, чем раньше, условиях? Прежде всего нельзя не видеть границ возможностей промышленного освоения природы, исчерпания ресурсов Земли в результате их нерационального использования, когда большая часть добываемого сырья идет в отходы. Если добавить к этому загрязнение окружающей среды, приводящее к тому, что не только воздух и вода, но и производимые с огромным трудом продукты отравлены химикатами и солями тяжелых металлов, то сложится поистине нерадостная картина, где самой несчастной фигурой оказывается уже не индивид, а, как в Апокалипсисе, человеческий род в целом, и даже без надежды на спасение «избранных».

Другая причина пессимизма — военная угроза. Люди на протяжении своей долгой истории живут в условиях перманентной войны, и это склоняет к философским выводам об изначальной

агрессивности человека, которая вытекает из его биологической сущности: как все слабые животные, человек вынужден быть агрессивным. В борьбе с природой и с себе подобными он изначально культивировал агрессивность и соперничество. Однако, став самой могущественной на Земле силой, люди обратили эту агрессивность против себя и тем самым создали новую угрозу для своего существования. Человек выжил благодаря сдержанности, самодисциплине, ответственности, разумности и моральности. Он способен притормаживать свои агрессивные наклонности, поэтому моральное воспитание всегда имело большое значение для сохранения человеческого рода, но для предотвращения войн его, конечно, недостаточно. Войны случаются даже тогда, когда, по крайней мере на словах, никто этого не хочет и все стремятся к миру. В сущности, безумная гонка вооружений в прошлом столетии возникла вопреки по-своему рациональной и обоснованной доктрине оборонной достаточности, когда никто не собирался нападать первым, а вооружался исключительно с целью предотвратить возможность агрессии. Однако в результате накопилось столько оружия, что можно несколько раз уничтожить все население нашей планеты и сделать ее непригодной для жизни. Это и формирует скрытый, затаенный страх, подпитывающий пессимистические прогнозы в отношении будущего. Очевидно, что, если человечество озабочено выживанием, оно должно не только заключать сложные военно-политические договоренности, но и начать осуществлять постепенные шаги, исключающие саму возможность военной, и особенно атомной, катастрофы.

Еще одно основание для пессимизма дает эволюция социальной системы. Прошлое оставило нам в наследство либеральные идеи и надежды на реализацию свободы, равенства, справедливости, демократии. Политическое мировоззрение людей было проникнуто подобного рода идеями. Между тем история XX в. отмечена печатью тоталитарных режимов, и это немало способствовало тому, что и в «открытых обществах» власть создавала «образ врага» и использовала существование тоталитарных режимов для угнетения своих сограждан. Поэтому сегодня перспективы выбора лучшего политического и социального устройства по-прежнему неясны и ограничены. В России возникли неожиданные для теоретиков трудности с реализацией моделей западной демократии. На Западе либерализму

противостоят консерваторы. Одни считают, что западное общество неизбежно распадется, если не возродит духовные связи между людьми, на основе которых крепятся солидарность и дружеская поддержка. Другие настаивают на оживлении связи людей символами «крови и почвы», которыми всегда укреплялись могущественные государства.

Наконец, серьезные опасения вызывает состояние самого нравственного сознания. Священники и философы, интеллектуалы и деятели культуры призывают оздоровить современное общество. Если «страшный гость» — нигилизм — в XIX в. стоял у дверей, то сегодня он уже внутри и поразил сознание не только разочарованных в жизни интеллигентов, но и большинства обычных людей, которые, не критикуя и не сомневаясь, вообще не думают о высших ценностях. Сегодня философы предупреждают не о «смерти Бога», а о «смерти человека». Речь идет о переосмыслении эпохи «просвещенного атеизма», разрушившего веру в Бога. Безусловно, он имел серьезные основания и был вызван развитием человеческого самосознания, которому уже не нужна была подпорка в форме веры во всемогущее существо. Человек мог опираться на собственные знания и моральную ответственность. Однако экспансия знания во все сферы духовного опыта парадоксальным образом привела к утрате смысла человеческого существования. Эта утрата стала опорой нигилизма, который разоблачал христианскую мораль как иллюзорный способ сохранения устоев жизни, как скрытую форму власти «слабых» над «сильными», не преодолевающей насилия, а основанной на нем. Однако нигилизм никак нельзя считать позитивным и жизнеутверждающим мировоззрением. Мировые войны с их ужасами стали возможны из-за молчаливой покорности людей и неверия в дееспособность человеческих идеалов.

Исходя из этого неполного перечня проблем, которые сегодня считаются глобальными, угрожающими не просто отдельному человеку, а всему человечеству, становятся понятны основные направления предсказания будущего, в ходе которого мысль пытается найти выходы из сложившейся ситуации.

Сильное впечатление на политиков и общественность произвели прогнозы и предупреждения членов Римского клуба, объединившего в середине XX в. видных ученых, специалистов и бизнесменов из 30 стран мира. Они сделали вывод о наступлении в первой

половине XXI в. глобальной катастрофы, если действующие тенденции технического прогресса останутся прежними. Члены клуба рекомендовали перейти к «нулевому», а затем «органическому» росту и призывали к прекращению гонки вооружений, более рациональному использованию природных ресурсов и помощи слаборазвитым странам. В последние годы более пристальное внимание стали уделять внутренним социальным, психологическим, культурным и им подобным пределам роста¹.

На Западе прошедшее столетие называют экстремальной эпохой². Это время противоборства двух тоталитарных идеологий — социал-националистической и социалистически-интернационалистической — и эффективной обороны против их влияния со стороны демократического капитализма. Главным событием века при этом считается развал Советского Союза. Но в 1990-е гг. еще не знали, какая новая конфронтация придет на смену прежней. Таким образом, сама датировка конца эпохи экстремизма является журналистским эффектом. Историк, интересующийся не столько революциями в политике, сколько медленными культурными изменениями, напротив, видит в этой эпохе между 1917 и 1991 гг. время процессов, обеспечивающих устойчивое развитие. И главным является стремительное изобретение разного рода средств, облегчающих человеческую жизнь. Наступило время, которое *М. Шелер* называл эпохой выравнивания: то, что было привилегией богатых, становится доступным для масс. Открытия науки и техники, развитие индустрии отдыха, здоровый образ жизни, цивилизованный рынок, защита прав трудящихся и особенно женщин — все это хорошая основа модернизации. Именно благодаря этому происходит изменение менталитета. Сегодняшняя жизнь предоставляет человеку столько свободного времени, сколько у него никогда не было раньше. Кажется, наступила пора развлечений. Развлечение становится главным мотивом жизни, охватившим все слои населения и окончательно уничтожившим сложный биопсихополитический феномен, названный пролетариатом. Сегодня он успокоился и больше не сотрясает историю, а мирно наслаждается жизнью. Заповеданный Богом труд перестает быть главным проклятием для

¹ См.: *Медоуз Д. и др.* Пределы роста. — М., 1991.

² См.: *Hobsbawms E.* Age of Extreme. — London, 1994.

человека. То, что не слишком удачно называют обществом потребления, выражает главное: общество перестало конструироваться на основе нужды, нехватки, экономии и ограничений. Но далеко не все разделяют оптимизм идеологов общества изобилия. Первым из них был *Дж. Гэлбрейт*, написавший книгу «Общество изобилия» в 1950-х гг. Он критикует общество, основанное на нехватке и распределении, но умалчивает о политических последствиях нового порядка. Впрочем, к тому времени в Америке говорить о богатстве уже считалось бестактным позитивизмом. Скорее всего, это произошло, чтобы не злить тех, кто оказался за пределами общества благоденствия. Таким образом, понятие изобилия опирается на допущение о существовании «архипелага нужды». Стратегия кнута и пряника осталась неизменной: тот, кто не принимает американский образ жизни, обречен на нищету.

Необходимо пересмотреть догматику нужды и преодолеть двузначную логику определения социальной реальности в терминах бедности и богатства. К сожалению, на всех фронтах интеллигенция левого и правого лагеря переписывает «черный» роман о нужде и сгибает колени перед реальностью. На самом деле в ней происходят серьезные мутации. Статистика, приобретая универсальное значение, вызвала противоположный эффект: человечество живет в множественной реальности и ее контуры весьма расплывчатыми. К сожалению, никто из тех, кто рассуждал о свободном рынке, не дал себе труда осмыслить роль, например, бытовых приборов в изменении стиля жизни людей и обсудить изменения понятий «природа», «действительность», «свобода», «экзистенция». Никто не пытался осознать изменений, вызванных появлением телефона, радара, счетных машин и других изобретений, в корне изменивших образ жизни людей.

В книге Дж. Агамбена *Homo sacer* высказывается шокирующее утверждение, что современное общество организовано по принципу концентрационного лагеря — изолированного места, в котором главная задача — выжить. На самом деле нынешнее существование можно оценить более либерально. Стало быть, к современной общественной системе применима скорее метафора бесконечного музея, а не изолированного лагеря. Но в любом случае, речь идет о том, что человек, будь то заключенный или посетитель, не имеют возможности выйти наружу. В противовес Агамбену можно высказать

предположение, что современное общество потребления напоминает Диснейленд: главное для него — развлечения, а враги — это нужда и забота. И поскольку именно они были в центре внимания реализма, то этим и объясняется непринятие общества потребления сегодня. Академическая и политическая корректность предполагает, что главные враги общества — нищета, катастрофы.

На самом деле современное общество потребления реализует то, о чем мечтали наши предки, жившие в более суровых условиях. То, о чем грезили в сказках, наконец воплощено. В Германии половина национального дохода тратится на средства облегчения жизни. По мнению П. Слотердайка, сегодня социальная среда складывается из многочисленных субкультурных образований вроде партийных, профессиональных и иных сообществ, каждое из которых формирует собственные образцы для подражания. Например, число имитаторов Элвиса Пресли насчитывает около 40 000 человек, которые ежегодно устраивают турниры в одном из городов США. Многочисленные водители «Харлей-Дэвидсон», селекционеры роз объединены в по-своему упорядоченные миры. Но что общего между фанатами рока, мотоциклов, любителями гольфа, лошадей, аквариумных рыб, остеопатами, палеолингвистами?

Во всякой субкультуре действуют свои общие законы ассимиляции. Нигде индивиды так не сходны, как в этих сообществах, отделенных друг от друга невидимыми, но непроницаемыми стенами. Не есть ли это основное правило сборки современных обществ: захватить и подчинить человека целиком капризу? Слотердаик называет такой способ формирования окружающей среды пеной, которая отличается от больших пузырей по способу циркуляции. Жители маленьких пузырьков, из которых состоит пена, ничего не знают друг о друге и не связаны между собой. То, что безусловно истинно в одной зоне, ничего не значит в другой. И вместе с тем никто никого не опровергает. Насколько прочен такой способ переплетения социальной ткани? Дело в том, что правила и нормы одного сообщества не имеют значимости в другом. Пенообразное общество не имеет центра, оно состоит из множества безумных или оккультных агрегатов¹.

---

¹ См.: Слотердаик П. Сферы III. — СПб., 2011.

Всемирная сеть микросфер поддерживается различными силами, которые еще ждут своего изучения. Многочисленные пузырьки составляют пену, прочность которой обеспечивается силами притяжения и отталкивания, человеческими симпатиями и антипатиями. Прежние модели представляли общество как большую инсталляцию: потребительское общество или, наоборот, общество риска. Эту же матрицу разрабатывают модели глобализации. Н. Больц ввел понятие «общество комфорта», члены которого объединены шопингом. А. Негри и М. Хард назвали суперинсталляцию империей, состоящей из множества отдельных сфер, уже не расценивающих других как врагов. Успех их книги об империи вызван религиозной трактовкой империи. В ней явственно звучат мотивы христианской историософии с апокалипсисом в конце. Царству капитала противопоставлено диссидентское разнообразие. Вместо классовой борьбы предлагается дезертировать из мира капитала.

Как можно охарактеризовать грядущее общество? Этот вопрос актуален и для России. С одной стороны, тем, кто живет в бедности, трудно согласиться, что общество представляет собой общество изобилия. С другой стороны, наше отрицание культа потребления оказывается более прогрессивным, чем мировоззрение жителей стран первого мира. Там отказ от удовлетворения потребностей будет расценен либо как цинизм, либо как идеализм, а попытки раскрыть глаза на неравенство в распределении богатства считаются некорректными, ведущими к трагедии. Таким образом, нужда по-прежнему сидит внутри общества благоденствия и как реальное, и как символическое, и, вероятно, как воображаемое. Угроза голодом остается испытанным инструментом власти. Она по-прежнему опирается на перманентную актуализацию потребностей широких масс. Социологический и экзистенциальный пессимизм явно или неявно исходит из бедности, из борьбы за существование, которую вели трудящиеся массы европейских обществ до середины XX в. Но что изменилось за последние 50 лет? Благополучие улучшилось, а методы управления обществом остались прежними.

Революции XX в. были консервативными, возвращающими к уравнительной бедности и экономии. Им соответствуют моральные идеологии, опирающиеся не на идеи, а на потребности. Свобода сводится к необходимости, а достаток — к удовлетворенным потребностям. Это можно объяснить социально-психологическими

обстоятельствами. Родители постоянно учат детей, что те должны жить лучше их. Это продолжается и в поучениях профессоров, уверяющих, что богатство ведет к упадку культуры.

Конфуз состоит в том, что на фоне недовольства потребление существенно выросло во второй половине XX в. Именно в этот период на передний план выдвигаются материальные символы безбедности. Рост покупательной способности масс способствовал изменениям сознания. Даже низшие слои населения вступили в рынок моды, мобильности, дизайна и гастрономии, характерный для индустриального общества. Прежде всего автомобильная культура, хотя ее чрезмерное развитие наносит вред, свидетельствует об изменении жизни в сторону достатка. Но настоящим достижением становится расширение зоны свободного времени, благодаря чему возникают новые субкультуры. Излишки времени уходят на развитие разного рода талантов и даже на конструирование частных метафизических систем. Эта изощренность психики, повышение ее чувствительности ведет к трансформации жилья, многие не только улучшают одно, но и инвестируют средства во второе. Начинается дачный бум. У нас он зарождался под знаком нужды как подсобное хозяйство. Но продолжая восприниматься в терминах нужды, дачный участок на самом деле перестает быть огородом и становится местом отдыха и развлечений. Вообще говоря, столь широкое вторжение масс в сферу развлечений, отдыха, туризма, спорта, музыки не имеет прецедента в истории. Даже если допустить, что кокон благополучных десятилетий буржуазного Запада подвергается сегодня серьезному давлению и, скорее всего, его ждет долгая фаза обороны, все равно нельзя согласиться с пессимизмом американского кино, предрекающего смерть городов и возвращение к первобытному состоянию на фоне свалок.

Предлагаемые культурологами проекты и сценарии будущего развития вызваны осознанием границ научно-технического развития и выступают в качестве своеобразного предупреждения, призыва к поискам новых решений или к морально ответственным действиям, направленным на отказ от безудержного потребления природы, на более рациональное ее использование. Современные модели устойчивого развития отличаются интересом к общественным проблемам и, моделируя лучшее будущее, допускают возможность принципиально новых открытий, на основе которых можно было бы улучшить

человеческую жизнь. В отличие от научных прогнозов, в которых не учитываются возможные социальные, культурные, моральные потрясения или изменения, утопии как форма предвосхищения будущего связаны с верой и ожиданием лучшего. Они предлагают нетрадиционные способы решения тяжелых проблем современности. Среди них выделяются технократические и морально-политические (социальные) утопии.

Примером технократической футурологии служит концепция американского философа и социолога Э. Тоффлера¹. Его надежды связаны с третьей волной информационной технологии, которая должна наступить вслед за второй волной (индустриальной). На базе новых технологий будут реализованы идеалы будущего:

- свободный труд, который выступает как неоплачиваемая работа для себя и своих близких;
- свободный брак, напоминающий растянутую во времени полигамию;
- свободный союз всех наций, заменяющий «белую интермедию» новым «техноцветным миром».

Становление *постиндустриального общества* характеризуется переходом от индустриального труда к сервисному и развитием сферы услуг, а также превращением науки и информации в целом в инструмент технического и социального развития. Ядерный синтез и солнечный свет откроют новые безопасные источники энергии. Новые средства связи — электронные микросхемы, волоконные каналы передачи информации, спутниковые системы связи — в совокупности с компьютерной техникой откроют безграничные возможности коммуникации и развития человеческого разума. Тоталитарные режимы в этих условиях станут попросту невозможны, так как благодаря коммуникативным связям каждый непосредственно сможет высказать остальным свое мнение и не будет ограничен в доступе к телеэкранам и средствам массовой информации.

Социальные и морально-религиозные утопии отечественных мыслителей связаны с поисками возможности построения бесклассового общества, объединенного духовными ценностями. На пророчества Н. А. Бердяева решающее влияние оказали кризис западной цивилизации и надежда на русский духовный ренессанс, основанный

---

¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. — М., 2000.

на ценностях христианского гуманизма. Бердяев был одним из первых, кто остро чувствовал дегуманизацию человека, стремительно деградировавшего в эпоху научно-технического прогресса. «Закат Европы» он видел в деперсонализации человека и победе технических решений в сфере политики и культуры. Бердяев жил в катастрофическую эпоху и на себе испытал беспощадность истории к человеку. Как философ он искал смысл человеческого существования, поэтому напряженно всматривался в прошлое, настоящее и будущее России. Бердяев считал, что человечество стоит перед выбором — или раствориться в мире техники и самому стать машиной, роботом, или решиться на усилие нравственного возрождения, отказавшись от тех соблазнов, которые дает бытие под сенью техники и власти. Необходима победа духа над техникой, свободы — над конформизмом. Будущее России философ видел как исторический процесс возвращения к миру свободы и творчества. Он призывал христиан к такой жизни, в которой «соборность» станет главным принципом общежития, обеспечивающим равенство и нравственную солидарность всех людей.

Россия как синтез великих культур Запада и Востока осмыслилась в так называемом *евразийском движении*. Важно отметить, что речь шла не о новых ценностях и идеологических стереотипах, а о реальных взаимодействиях народов, каждый из которых живет на своей собственной территории и обладает самобытной культурой. Позитивное значение евразийской утопии состоит в отказе от духовного колониализма и в призыве учитывать своеобразие этносов. Космополитизм и интернационализм нередко оборачиваются культурным шовинизмом, поэтому евразийцы видели будущее за «истинным национализмом», который состоит не в заимствованиях чужих этносов и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании. Это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами: «Познай самого себя» и «Будь самим собой». Продолжая евразийскую ориентацию, Л. Н. Гумилев утверждал, что общечеловеческая культура, единообразная и одинаковая для всех, невозможна и что именно мозаичность человечества придает ему необходимую пластичность, благодаря которой оно как вид сумело выжить на Земле¹. В век господства социально-политических

---

¹ См.: Гумилев Л. Н. Многообразие культур // Наше наследие. — 1991. — № 3. — С. 21.

схем Л. Н. Гумилев выступил с природно-географических позиций и удачно объяснил движение древних народов не идеологическими стремлениями, а природными факторами.

Судя по народным утопиям, государство кажется нам привлекательным, если оно кроме реализации основных потребностей будет еще и справедливым. Каковы же тенденции изменения современного общества? Парадокс в том, что все говорят о прогрессе, а социальное пространство деградирует. В условиях роста больших городов, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает. Что же происходит в выставочных и концертных залах, супермаркетах, школе и на работе, где индивиды теснятся на виду друг у друга? Первое, что бросается в глаза, — отчужденность. Люди стараются не замечать друг друга. Конечно, царит вежливость, и каждый старается прилично выглядеть. Однако это и создает невидимый барьер для общения. Раньше, побывав на ярмарке, человек узнавал все новости. Посещение сельмага давало информации больше, чем телевизор. А главное — сообщаемые новости не воспринимались с характерным для современных горожан безразличием. Конечно, и в устной, и тем более в письменной культуре живое участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к сплетням и пересудам. Однако в целом люди ощущали себя звеньями единой цепи и отзывались на беды другого не только вежливым сочувствием, но и реальной поддержкой.

Условием правильного выбора модели развития современного российского государства — как альтернатива его распаду — должно стать осознание того обстоятельства, что общество не является безличной структурой, как оно выглядит в моделях политологов и социологов, а остается, особенно в своей приватной сфере, формой бытия с другим, для чего, собственно, и предназначен человек. Тот факт, что, добившись независимости, он ужасно страдает от одиночества, вселяет надежду, что общество все-таки сохранится не только как система безличных связей, но и как частная жизнь людей, стремящихся к духовному единству, общению на эмоциональном уровне. Вопрос в том, как на практике осуществляются идеалы единства. Самый беглый взор на социальные технологии показывает, как далеки современные способы «сборки» людей от прежних моделей. Для понимания этого следует обратиться к анализу повседневных практик, используемых для достижения

единства общества. Прежде всего это строительство величественных сооружений, в которые вкладывались значительные средства. Со времен Просвещения был взят курс на строительство грандиозных общественных зданий, в которых располагались церкви, библиотеки, музеи, театры, университеты. Это не просто символы величия национального государства, но и общественные места, в которых образованная публика достигала единства на основе публичных речей и дискуссий. В наше время эти пространства или пустеют, или меняют свои функции.

Сегодня после осознания опасности децентрации, характерной для постмодерна, вновь начались поиски новой целостности. С освобождения от труда и почвы (земля превращается в зону отдыха) начинается новая эра, где желание становится гражданским долгом.

Единство людей обеспечивают и массмедиа. Именно они диктуют, как надо жить. Сегодня это происходит посредством рекламы и зрелищ. Вопрос о человеке — это вопрос о медиумах, и тот факт, что эпоха эпистолярного гуманизма приходит сегодня в упадок, не означает, что наступает эпоха варварства, одичания и террора. Информационная революция привела к созданию единого коммуникативного пространства. Благодаря Интернету можно свободно пересекать границы государств и практически мгновенно связаться с любым жителем Земли, если, конечно, у него есть персональный компьютер, подключенный к Всемирной паутине. Описанные сдвиги в эволюции коммуникативных систем можно рассматривать как основу построения тех или иных философских моделей коллективности.

Вопрос в том, насколько эффективны современные практики конструирования идентичности, насколько подлинными являются способы самореализации в сфере потребления и развлечения. Конечно, их нельзя отбрасывать с порога, считая массовую культуру чем-то бездуховным. На самом деле популярная культура сближает искусство с жизнью, правда, не совсем так, как мечтали философы. Точно так же нельзя расценивать потребление как нечто глубоко чуждое русскому национальному характеру, который сложился на почве труда и служения отечеству. Думается, что философская критика не должна выплескивать ребенка вместе с водой. Потреблять и развлекаться нужно уметь. Экономика захватывает человека как

потребителя, философия должна развивать искусство существования, где потребление и развлечения являются не только сегментом рынка, но и источником удовольствия¹.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что идеи свободы, равенства, солидарности и справедливости образуют ядро человеческих желаний. В сущности, этот набор входил еще в христианскую философию, был секуляризирован социал-демократическими идеологиями, что стало источником модернизации. Вместе с тем права и свободы индивида имеют довольно ограниченную сферу применения и не определяют, как человек реализует право на жизнь. Будет он хорошим или плохим человеком, зависит от воспитания; будет он умным или глупым, зависит от качества образования; будет он врачом или военным, зависит не только от личного выбора, но и от набора профессий, которые предоставляет общество. Таким образом, нужно говорить об ответственности личности перед другими людьми. Ее права не должны нарушать права общества.

Современное общество должно восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Если ребенку недостает любви и тепла в семье, это не наверстать путем образования. Как бы потом их ни приучали на уроках этики к толерантности, отсутствие сострадания и сопереживания приводит к ужасным эксцессам, которые имеют место как в школе, так и в казарме.

Контрольные вопросы и задания

1. Как понималась миссия России до и после Петровских реформ?
2. Опишите образ России у славянофилов и западников.
3. В чем состоят глобальные проблемы человечества?
4. Опишите основные сценарии возможного будущего.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990.
2. Вехи. Интеллигенция в России. — М., 1991.
3. Глобализация и перспективы современной цивилизации. — М., 2005.

---

¹ См.: Цивилизация: вызовы современности. — СПб., 2009.